

Шеф-повар задыхался, вытаскивая половину свиньи

Лето прошло, и наступила осень. Зеленая листва в особняке Дюгоней по большей части пожелтела, и при легком дуновении ветра опавшие листья покрывали весь двор. Поскольку землю не подметали уже полдня, я едва мог разглядеть ее первоначальный цвет.

Стоя среди танцующего дождя листьев, пронесившегося по небу, я тренировался в фехтовании. Моими движениями гладкое, незаточенное лезвие прекрасно поражало падающий лист, хотя моя атака не смогла причинить и следа вреда, кроме как заставить лист еще несколько немного кружиться в воздухе.

Поскольку мое внутреннее культивирование исчезло, мои конечности были слабыми, а меч не заточен, этот набор тренировочных движений был не чем иным, как показным представлением. Я не нашел ничего удивительного в таком исходе.

И все же было приятно хотя бы попрактиковаться в этих техниках, чтобы моя мышечная память не угасла в безвестности из-за длительного бездействия, которое тогда действительно могло лишить меня всякого шанса снова овладеть кунг-фу.

На самом деле, я больше привык использовать скрытное оружие, но механизмы этого оружия сложны и конфиденциальны, что затрудняет его получение. Поэтому я не смею необдуманно требовать его от Цзюцяньсуя. (Прим: По-китайски скрытное оружие может быть известно как Ань Ци, 暗器. В типичном романе Уся скрытное оружие включает дротики, нарукавные мечи и метательные ножи)

Хотя в настоящее время Цзюцяньсуй оставался со мной в особняке, за исключением посещения двора, и он редко проводил дополнительное время во дворце, но как человек с таким значительным положением, как он мог быть по-настоящему свободным? Я прекрасно понимал, что он на самом деле очень занят. Он использовал каждый короткий промежуток времени, когда я был занят чем-то другим, чтобы выполнять свои задачи во дворце, в том числе, когда я точил свой меч, занимался кунг-фу или дремал, чтобы он мог сжать больше времени в своем плотном графике, чтобы проводить время со мной.

Честно говоря, я не чувствовал себя плохо, оставаясь в особняке каждый день, и понимал, что в настоящее время мое здоровье и личность не идеальны, чтобы выходить на улицу, когда захочу. Даже в те дни, когда я был заперт в спальне Дюгоней, мысль о жалобах никогда не приходила мне в голову, поэтому мне не нужно, чтобы Цзюцяньсуй шел на все эти компромиссы.

Тем не менее, он все равно это сделал.

Его мягкость всегда тайно пронизывала воздух. Хотя он никогда не объяснял мне их вслух, его

действия, когда он заботился обо мне, далеко превосходили совершенство.

Раньше я никогда не мог понять, почему некоторые настаивают на взаимной любви к тем, кого они любят, но сейчас я смутно понимаю это. Предположим, что среди всех душ в мире есть тот, кто любит вас безоговорочно, он зажжет для вас костер морозной зимой, построит для вас лодку во время стремительного наводнения, станет вашей последней и вечной поддержкой во времена одиночества и беспомощности, и вырастит для вас сад великолепных цветов даже в унынии и унылости поздней осени.

Я вложил меч в ножны, обернулся и увидел Цзюцяньсюя, манящего меня из-под карниза. Это был не тот способ, которым Его Королевское Высочество манил одного из своих «питомцев», скорее, это казалось гораздо более ровным и естественным.

Он не посадил бы для меня сад цветов просто потому, что я не поверхностная хрупкая ваза.

Однако он вручал мне чашку чая из цветов османтуса, который заваривал лично, и говорил, что, как только в следующем году ко мне вернется здоровье, я смогу насладиться вином из османтуса, хранящимся в погребе.

Подождал управляющий и наклонился ближе, чтобы что-то прошептать на ухо Цзюцяньсюю. Заметив, что у них есть другие дела, я не издал ни звука, чтобы еще больше их побеспокоить, и только кивнул в ответ на предыдущую поддержку Цзюцяньсюя.

По словам А Юань, особняк Дюгоней был построен еще при жизни предыдущего начальника Восточного депо. Он проявлял большой интерес к расточительности, а его телосложение совершенно не соответствовало жаркой погоде, поэтому он настоял на строительстве большого и глубокого ледяного погреба, на строительство которого ушло семь лет. Когда особняк был наконец готов, в него въехал старый главный евнух, но вскоре скончался, так и не насладившись своим новым домом, на восьмой год после начала строительства особняка. В результате все его накопленное богатство и власть естественным образом унаследовались Цзюцяньсюем, включая недавно построенный особняк Дюгоней.

А османтусовое вино было специально запечатано самим Цзюцяньсюем в первый год его прихода к власти. Вино круглый год хранилось в погребе, заполненном ледяными глыбами. Чрезвычайно низкая температура под землей надежно сохранила аромат цветков османтуса. Когда вино будет открыто, оно обязательно раскроет сладчайший аромат, по сравнению с которым бледнеет даже виноградное вино из императорских даров.

Кажется, единственное место в величественном особняке Дюгоней, которое я не посетил, — это ледяной погреб. Поскольку Цзюцяньсюй упомянул вино из османтуса, мне стало искренне любопытно.

Тем временем управляющий уже закончил доклад, теперь делая шаг назад, наклоняясь и ожидая дальнейших указаний. Поразмыслив мгновение, нахмутив брови, Цзюцяньсюй сказал, взмахнув рукой: «Отведи его в вестибюль».

В особняке не было ничего необычного в приеме гостей, но большинство из них были придворными чиновниками более низкого ранга, ищущими благосклонности Цзюцяньсуя, и большинству из них не была предоставлена аудиенция.

«Сяо Цзин, пойд и отдохни. Вздремни.» Цзюцяньсуй поднялся со своего места и погладил меня по голове: «Я встречу гостя и скоро вернусь».

Я небрежно поприветствовал его, опустив голову, чтобы сделать еще один глоток ароматного чая из цветов османтуса.

Однако, к моему удивлению, он тут же выхватил чашку чая из моей руки, поставил ее на маленький столик, наклонился и коснулся своим лбом моего. Словно волнуясь, он снова напомнил мне: «Веди себя хорошо и не слоняйся, а то я тебя снова запрю».

На мой взгляд, он слишком опекал меня, принимая меня за ребенка, который не мог справиться с ситуацией в отсутствие взрослого. Так что мне ничего не оставалось, как еще раз кивнуть, пообещав ему, что не выйду за пределы заднего сада особняка.

А затем Цзюцяньсуй переоделся и направился в вестибюль.

После его ухода я тоже встал, стряхнул с ног крошки выпечки и направился к двери в сад за домом.

Ледяной погреб располагался рядом с кухней, поэтому его все равно считали частью сада за домом. Поскольку мне больше нечего было делать, я не думал, что нарушаю свое обещание, нанеся краткий визит в подвал.

Кроме того, за мной следовала горничная.

Подвал оказался в пределах досягаемости после небольшой прогулки. Так получилось, что сильный и мускулистый повар тоже пришел сюда за мясом и овощами на ужин. Он без особых усилий поднял тяжелую крышку в подвал одной рукой и любезно повел меня вниз, неся лампу, чтобы показать мне путь вперед, одновременно предупредив меня, чтобы я не задерживался, чтобы на меня не повлиял холод и влажность подвала.

Я последовал за ним, принимая во внимание его советы и чувствуя постепенное понижение температуры с каждым шагом.

К тому времени, когда мои ноги коснулись твердой земли, в подвале стало холодно, как в самые суровые зимние дни. Моя простая одежда, естественно, была бессильна защитить меня от холода, и я почти мгновенно начал дрожать, волосы встали дыбом по всему телу.

Когда шеф-повар повесил лампу на небольшой крючок сбоку от стены, ее тусклым светом сразу

же осветилось более половины ледяного погреба.

Я молча восхищался этим зрелищем.

Подвал действительно оказался на удивление просторным, и, по приблизительным оценкам, он показался мне даже более просторным, чем вестибюль. Обычно маленькая лампа на стене не могла бы осветить такую огромную площадь, но аккуратно сложенные ледяные кирпичи со всех сторон подвала беспокойно отражали слабые лучи света, рассыпая его яркость в каждый угол комнаты. Каждая глыба льда в моем поле зрения была кристально чистой. Они были украшены тусклыми бликами света — красота, которую мои глаза никогда раньше не видели.

Ледяная стена высотой в половину моего роста делила весь ледяной погреб пополам. Большая секция использовалась исключительно для хранения льда, а другая половина была заполнена предметами, которые были аккуратно разложены по категориям и размещены на льду. Там были всевозможные предметы из кухни, скоропортящиеся подношения и награды из дворца, охлаждающие коврики и подушки, которыми мы пользовались в самые жаркие летние дни, а также два ряда аккуратно расставленных глиняных кувшинов с вином в углу.

Я подошел в изумлении и потрогал рукой ледяную стену. Она была массивной и холодной.

Шеф-повар задыхался, вытаскивая половину свиньи. Увидев, как я с любопытством изучаю, он улыбнулся и любезно напомнил мне: «Эти сырые продукты вонючие и грязные, молодой господин Кэ. Лучше не подходить к ним слишком близко. Вы можете пойти туда и посмотреть. Я найду еще немного фруктов и овощей, и тогда мы отправимся вверх».

И я послушно изменил направление, следуя его предложению, приблизившись к углу, где хранились кувшины с вином.

Для Цзюцяньсуя, который не особо любил вино, здесь действительно было слишком много кувшинов с вином. Десятки больших банок, каждая из которых завернута в хлопчатобумажную ткань, чтобы не треснуть на морозе. Запечатывающая глина поверх банок была заморожена до твердого состояния, с чернильными надписями, обозначающими время хранения. Почерк был пропитан силой и беззаботным духом, очевидно, это работа самого Цзюцяньсуя.

Я проследил за этим рядом кувшинов с вином, рассматривая их один за другим, и понял, что ни одно из вин не было сварено в один и тот же день. Вместо этого вписанные даты охватывали всю осень того года с перерывами, и чем глубже я заходил в подвал, тем раньше становились даты.

Позади меня продолжал тяжело дышать шеф-повар, вытаскивая полмешка капусты и громко напоминая мне, что, если мне станет холодно, я могу первым подняться наверх, чтобы не заболеть. Я обернулся и ответил, что пойду, как только закончу все проверять.